

В. В. Яковлев

АРХИМАНДРИТ ГЕДЕОН ОДОРСКИЙ: МЕЖДУ ПЕТРОМ I И ИВАНОМ МАЗЕПОЙ, УНИАТСТВОМ И ПРАВОСЛАВИЕМ

Жизнь Гедсона Одорского тесно связана со сложными и переломными событиями конца XVII – начала XVIII в. Будучи священнослужителем, он оказался не только свидетелем, но и непосредственным участником важных политических событий того времени и во многом их жертвой. Всю свою жизнь в России, куда он приехал уже вполне состоявшимся церковным деятелем, Одорскому приходилось лавировать между разными как светскими, так и церковными фигурами. А среди них такие персонажи, как Петр I, польский король и великий князь литовский Ян Собеский, гетман Иван Мазепа и его соратник Филипп Орлик, последний патриарх досинодального периода Адриан, местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский, митрополит Варлаам Ясинский... Он не только оказался втянутым в политические игры того времени, стараясь угодить и Мазепе, и Петру I, но и был заложником противостояния униатства, к которому принадлежал до приезда в Киев, и православной церкви, которая так до конца и не простила ему отступничества. Как справедливо отметил С. Т. Голубев, «он хотел провести свой корабль между Сциллою и Харибтою»¹. И во многом ему это удалось. Поэтому и заслуживает внимания этот неординарный и образованный человек, в судьбе которого нашли отражение самые значительные события отечественной истории того времени.

О биографии Гедсона Одорского² мы можем в основном судить по двум видам источников – по документам из Российского государственного архива древних актов (РГАДА)³ и сохранившимся сочинениям самого Одорского⁴. Точная дата его рождения неизвестна, по косвенным данным можно предположить, что это первая половина 1650-х гг. Родился он в православной дворянской семье из Литвы, имевшей родовые поместья в Витебском воеводстве. Как писал сам Одорский, его предки, как благотворители, были погребены при Свято-Духовской церкви в Вильно и Петропавловской церкви в Минске. Его отец Даниил Довмонт Одорский на родине, по свидетельству сына, занимал должности «стольника и городничаго Данемборского» (№ 10, с. 151), но с 1687 или 1688 г. жил со своими двумя дочерьми в Киеве (еще две дочери остались в Литве), принял русское подданство и состоял на московской службе. Одорский объяснял этот переезд гонениями, которым подвергся его отец от униатов, хотевших отобрать в его родовых поместьях православные церкви. Был у Гедсона и брат, о котором не сохранилось никаких сведений. Отец погиб в 1693 г., вероятно во время второго похода против бунтовщика Петрика (Петрушки, бывшего войскового канцеляриста Петра Иваненко),

выступившего против И. Мазепы с целью, как он сам провозглашал, «освободить малороссийский народ от московского ярма» (№ 10, с. 186). В этом году его военный отряд, состоявший из крымских татар и «воровских казаков», дошел до Полтавы. Даниил Одорский был похоронен в соборной полтавской церкви.

В период обучения в латинских училищах Гедеон принял унию, которой придерживался 16 лет, «труждаясь и служа во всем по повелению старших униатских Великого Княжества Литовского и Белой Руси» (№ 10, с. 148). Сочинил он и панегирическую речь, обращенную к польскому королю и великому князю литовскому Яну Собескому и в основном прославляющую его победу над турецкой армией султана Мехмеда IV под Веной в 1683 г., благодаря которой король, как отмечал Одорский, смирил «гордую оттоманскую луну», уничтожил «силу рогатаго азиатского змия и сокрушил его голову» и стяжал себе «вечную славу и алмазом начертал свое имя в бессмертной книге» (№ 10, с. 182). По косвенным данным, речь была напечатана в Злочеве 31 октября 1689 г., но сохранилась лишь в русском переводе-подстрочнике, сделанном в Малороссийском приказе.

Польским королем Гедеону Одорскому была дана привилегия на православную Белорусскую (Мстиславскую) епископию. Поставление на эту епископию, согласно IX статье «Вечного мира», заключенного между Россией и Польшей 26 апреля (6 мая) 1686 г., находилось в ведении Киевского митрополита (этой статьёй гарантировалась свобода вероисповедания православных в польских землях, а Киевскому митрополиту предоставлялось право рукополагать епископов Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской и Белорусской епархий). Поэтому Одорский был вынужден поехать в Киев к местному митрополиту Гедеону Святополку-Четвертинскому с целью получения этого места, причем, как в дальнейшем выяснилось, в обход других претендентов. Пытался он также скрыть и свою принадлежность к униатской церкви. Однако он не учел весьма строгих правил, которые в это время действовали в отношении приезжающих в Малороссию из-за границы, и особенно из Польши: их подробно расспрашивали о цели приезда, забирали все документы, которые отправляли вместе с «распросными речами» в Москву. Над приехавшими до получения ответа «великих государей» устанавливался жесткий надзор. 1 марта 1690 г. Гедеон Одорский был препровожден в «Киевскую приказную избу», где был допрошен князем Михаилом Григорьевичем Ромодановским «с товарищами». Здесь он представился как номинат Мстиславской епископии, настоятель Онуфриевского монастыря (Онуфриевский Мстиславский монастырь, основанный в XV в., с 1601 г. был во владении униатов). Целью же поездки, которая, по его словам, была предпринята по указу польского короля, обозначил необходимость посвящения в сан епископа от Киевского митрополита. При этом ни о каком желании покинуть униатство и перейти в православие упомянуто им не было. Запись допроса и представленные бумаги были посланы в Москву, а сам он отправлен в Киево-Печерский монастырь под надзор тогдашнего архимандрита Варлаама Ясинского.

Об этом стало известно Киевскому митрополиту, который знал подробности избрания на Мстиславскую епископию из письма слуцкого архимандрита Серапиона Полховского. Из его сообщения следовало, что 12 января 1690 г. выбрали четырех кандидатов, но Одорского среди них не было. Что и понятно, поскольку белорусской православной шляхте, принимавшей участие в избрании кандидатов, было хорошо известно о его принадлежности к униатству. Митрополит переслал это письмо киевскому

воеводе, при этом не упомянув об Одорском. В результате тот оказывается в весьма двусмысленном положении: с одной стороны, он заявляет о своем избрании, с другой – у властей есть документ, согласно которому его имя отсутствует среди кандидатов, следовательно, он получил одобрение польского короля, но не православной паствы. А это являлось необходимым условием для всех претендентов на высшие духовные должности. При внимательном изучении представленных Одорским документов выяснилось, что он претендует и на Черниговскую архиепископию, а это было и вовсе незаконно: мало того, что она не была вакантной, так еще и польский король не имел права выдавать на нее привилегию, поскольку она находилась на территории России. При этом есть все основания предполагать, что Киевский митрополит был осведомлен о принадлежности Одорского к униатской церкви.

В результате Гедеон Одорский попал под сильное подозрение и наблюдение за ним было ужесточено. «Заключили меня в узы не ведомо для чего, и в них стражду с великим моим утеснением; и днем и ночью окружен крепким караулом; истощаюсь голодом и холодом и прочими нуждами; от таких великих невзгод опасаясь, как бы безвременно не умереть», – жаловался он (№ 10, с. 155). Понимая, что все может обернуться для него очень плохо, Одорский в середине марта пишет прошение Петру и Иоанну Алексевичам (см. Приложение), в котором признается в своей принадлежности к униатству и одновременно отрекается от него, от претензий на Черниговскую кафедру, а также выражает желание вернуться в лоно православной церкви (при этом ловко представив именно это желание в качестве главной цели своего приезда в Киев).

В то же время он пишет следующее обещание Киевскому митрополиту: «Я, иеромонах закона св. Василия Гедеон Одорский, признаю сим письменным актом, что, находясь доселе в унии с костелом римским, по чистой совести обещаюсь возвратиться к своей отечественной православной святой восточной церкви, не находящейся в унии с костелом римским, но пребывающей под благословением святых отцев патриархов константинопольских и прочих восточного греческого православия. Получил было я от королевского величества привилегию на епископство белорусское – мстиславское, оршанское и могилевское, с прибавлением к нему новаго титула: архиепископа северского-черниговского, находящегося в государстве их царского величества, наияснейших православных монархов московских; но так как это прибавление титула зарубежнаго архиепископства северскаго противно мирным статьям вечнаго союза Московскаго государства с Польскою короною и Великим княжеством литовским, то я навеки отрекаюсь оногo и своею совестию заверяю, что никогда не буду присвоить его себе» (№ 10, с. 155–156). Обещание с аналогичным содержанием отправляет Одорский и киевскому воеводе. При этом обращает на себя внимание, что, отрекаясь от униатства и Черниговской архиепископии, он считает себя вправе занимать Мстиславскую кафедру, а в послании к воеводе так себя и именует: «Я, Гедеон Одорский, святаго богословия учитель, епископ белорусский назначенный» (№ 10, с. 156), надеясь тем самым получить эту должность. Тем не менее он прекрасно понимал, что главным препятствием на этом пути было отсутствие элекции (выбора и признания) белорусской православной паствой. Тогда он решает обратиться с просьбой о посредничестве в получении элекции к Киевскому митрополиту, который в данной ситуации эту просьбу, конечно, отклонил.

Вскоре положение, в котором оказался Одорский, осложнилось еще больше. 9 марта 1690 г. был обнаружен донос (подметное письмо) на гетмана И. Мазепу, в котором тот объявлялся врагом православия и государственным изменником. Донос срочно был отправлен в Москву, где в него не поверили, и для разбирательства в Киев был направлен дьяк Борис Михайлов. Главная цель, которая была перед ним поставлена, – найти авторов подметного письма и тех, кто был причастен к его составлению. И одним из основных подозреваемых сразу стал Гедеон Одорский. Михайлову были даны для передачи Мазепе имеющиеся в Москве бумаги Одорского, а также было предложено перевезти его из Киево-Печерского монастыря к Мазепе в Батурин «для подлиннаго о том письме разспросу и розыску» (№ 10, с. 158). Более того, предлагалось перевезти туда и его отца, сестер и всю их челядь (они в это время жили в Киеве) также для обстоятельного расследования. Главный вопрос, на который требовалось дать ответ, был обозначен следующим образом: «...не он ли, Одорский сам, или отец его Данило, или которой из челяди его то письмо подкинул, и для какого умыслу, и по чьему научению» (№ 10, с. 159). Усугубляла ситуацию и информация от московского резидента в Польше Ивана Волкова о том, что униаты стремятся продвинуть на Мстиславскую епископию своего кандидата. Разумеется, Одорский сразу попал под подозрение, что именно он таковым и является («И сей... Одорский подобно приехал для поставления в епископы в таковом с полской стороны утверждения, а не по согласному собранию всего на Белой Руси будучого грекорускаго благочестия» – № 10, с. 185).

Но Одорскому повезло: Мазепа не принял эти обвинения, убедив московские власти, что автор письма не польского происхождения, а малороссиянин и преследовал иные цели, отличные от тех, которые вменялись Одорскому, и возложил вину на Михаила Галицкого, его родственника Полуботока и друга Дмитрашко Райча. Мазепа писал Петру и Иоанну Алексеевичам: «Хотя бы я приказал того старца сыскать в Батурин, однако отнюдь того не чаю, чтобы он о том воровском письме ведал, понеже – как выше доложено – домашних моих врагов, а не зарубежных есть дело» (№ 10, с. 159–160) – и призывал снять с Одорского все обвинения и отпустить на свободу. 29 мая 1690 г. вышел царский указ, по которому ему было отказано в посвящении в сан епископа, но разрешено вернуться в Польшу.

Однако в сложившейся ситуации возвращаться было нецелесообразно: публично отрекшегося от униатства вряд ли дружелюбно встретили бы недавние единоверцы, да и место архимандрита за его переход в православие было у него отнято, имущество разграблено, а сам он «в своих церквах и костелах» проклят «при колокольном звоне с гашением свечей». Да и к белорусским православным он также не мог вернуться, поскольку не был ими избран на епископию но, несмотря на это, попытался ее занять. Выход из этой ситуации был один: обратиться за разрешением остаться. И Одорский пишет очередное послание Петру и Иоанну Алексеевичам, в котором объясняет невозможность возвращения в Польшу и просит дозволения остаться жить в Малороссии в одном из монастырей, желая «все силы свои посвятить на служение их царским величествам и быть их богомольцем во вся дни жития своего» (№ 10, с. 161). Одновременно он дипломатично охарактеризовал свою позицию относительно епископии. С одной стороны, он впервые стал утверждать, что ее не хотел, не стремился занять и в настоящее время она ему не нужна. А королевскую привилегию

был вынужден принять, поскольку эта привилегия была дана за заслуги не только его, но и его предков. С другой стороны, Одорский вскользь упомянул о том, что если бы православная белорусская паства сама обратилась к государям с просьбой о принятии им епископии, а те подписали бы соответствующий указ, то он, конечно, не отказался бы от такого предложения.

Просьба остаться была уважена – Одорский поселяется в Киево-Печерском монастыре, правда, в числе рядовой братии, но с поручением почетной обязанности казнодея (проповедника Слова Божия). При этом особым доверием московских властей он, разумеется, не пользовался, поэтому никакой инициативы белорусскими православными в его поддержку проявлено не было. Более того, за ним было поручено наблюдать, «чтобы в благочестии был крепок и постоянен, и с приезжими из польской стороны, как с духовными, так и мирскими людьми не знался и ни с кем не списывался» (№ 10, с. 163).

В 1693 г. умирает отец Одорского Даниил, оставив своим детям большое наследство. Но возникли сложности с его принятием, и Гедеон, испросив разрешения выехать в Москву и заручившись поддержкой и рекомендательными письмами от тогдашнего Киевского митрополита Варлаама Ясинского и гетмана Мазепы, приезжает в столицу вместе с посольством Киево-Братского и Киево-Никольского монастырей. В конце августа 1693 г. он подает Петру и Иоанну Алексеевичам три челобитные с просьбами подтвердить предыдущий указ от 1690 г. (чтобы ему никто «не делал обид, насилия и поругания»), разрешить отправить в Литву к жившим там родственникам документы по наследству и позволить на обратном пути в Киев посетить воеводу Белгорода Бориса Петровича Шереметева, который был другом его отца. В целом, с небольшими оговорками, его просьбы были удовлетворены.

Однако решением только этих дел Одорский не ограничился. Он предпринял довольно большие усилия для установления нужных контактов с целью заручиться благожелательным отношением влиятельных лиц, с тем чтобы, с одной стороны, окончательно снять с себя всякие подозрения в неблагонадежности, а с другой – занять более высокое положение и, быть может, даже остаться в Москве, а не возвращаться обратно в Киев в качестве члена рядовой братии. С киевским посольством он не уезжает, живет в столице еще год, но и после этого вернуться не стремится, получает разрешение задержаться, дабы «на славу великих государей потрудиться» (№ 10, с. 168). Он служил божественные литургии, читал проповеди, за что ему «пожаловано было великими государями десять рублей» (№ 10, с. 167).

Пишет Одорский панегирик и патриарху Адриану. Панегирик состоит из трех частей, в поэтической форме толкующих имя Адриан (нач.: «Тригласная жертва хваления, согласная со именем трисилявным Адриан и соединенна со кровию мученической, яже выну вопиет к безсмертному владыце всех Богу, и во всечестную и светлопраздственную память святого мученика Адриана восписанная; Божиею милостию всесвятейшему и всеблаженнейшему великому господину кир Адриану, архиепископу царствующаго великаго града Москвы и всех северных стран патриарху, истинное, зане от самых слов имени о том же имени сложенное»). Каждая часть открывается своеобразной анаграммой, составленной из имени патриарха («Рай дан», «Я нард», «На дарь»), к ним приводятся цитаты из Библии, а затем следует толкование в стихах. Завершается сочинение личным обращением к Адриану:

Три з имени Адриан дары прилагаю
 И всех сил глас сердцем по Бозе ти вручаю
 О, отче Всеблагий, Пастырю Предрагий
 Отрады; иной надежды незнаему лицу
 Дождь ту падающую странному крупницу
 Покрый мя покровом ти Варламом отдана,
 Усердно молю гласом крове Адриана.

О себе автор упоминает в заключении: «От смиренного и сокрушенного сердца зело недостойнаго послушника многогрешнаго иеромонаха Гедеона святейшему Адриану патриарху московскому похвальныя стихи через анаграмматизма из имени Адриан; основаны от иеромонаха Гедеона»⁵. По-видимому, существовали и другие, не дошедшие до нас, панегирические произведения Одорского.

Делает он подношение и Петру I, о чем упоминает в своей челобитной от 1697 г.: «В трудах тебе, великому государю, четыре года на Москве пребывал. Первее тебе, великому государю моему, поднесл аз, богомолец твой, чрез боярина князя Бориса Александровича икону Богородичну с царскими лицами, под таковым именем и надписанием: „Диадима царей благочестивых“, и при той же иконе стихи и иные тетради на славу тебе, великому государю, восписал; а потом видимый мир в сфери небесной на досках медных велел вырезать и печатным изображением на славу тебе, великому государю, изобразил» (№ 10, с. 169). Из этой же челобитной известно, что он также «Азовскую победу в лицах изобразил» и заказал Афанасию Трухменскому с этого рисунка гравюру, которая, вероятно, так и не была напечатана.

Несмотря на приложенные усилия, Одорскому не удалось закрепиться в Москве, где его продолжали подозревать в еретичестве и сомневались в искренности его перехода в православие, ибо «все тии пришельцы таковы, яко и чернец Одорский, явленный, глаголют, схизматик... ради прельщения [православных] прииде [в Москву]»⁶. 14 апреля 1697 г. подписывается царский указ о разрешении Одорскому вернуться в Киев. Уезжает он не с пустыми руками: ему дается «на подъем» 15 подвод с добром, сопровождает его и прислуга (челядь). Дозволяется также лично представиться Мазепе и передать ему царский указ, в котором Одорскому разрешается поселиться в одном из монастырей, но при этом отмечается, что надо сохранять за ним бдительный надзор: «...над ним смотреть крепко, чтобы он, живучи в том монастыре, жил в благочестии православные христианские веры постоянно, и с приезжими бы ис Полской стороны, как духовными, так и з мирскими людьми, не знался, и ни о чем в Полскую сторону и ни с кем не списывался; а в Полшу, и в Литву, и никуда за рубеж ево, Гедеона, не отпускать; да и сам бы он, Гедеон в Полшу не уехал, и того над ним приказать смотреть со осторожностью» (№ 10, с. 168).

В этом же году Одорский приезжает в Киев, возвращается в Киево-Печерский монастырь. Несмотря на все московские усилия, к нему и здесь сохраняется весьма недоверчивое отношение, в частности, со стороны духовной власти. Разумеется, это касалось не только его, а затрагивало практически всех бывших униатов («будто и веры латинския отступают, и папу гаждают и проклинают, а все нас тем обманывают; а опосле вся противная тому творят и православные народы от православия отвращают» – № 10, с. 172), но ему от этого легче не было.

И все же Одорскому удается найти общий язык с киевской властью, и между 15 мая и 29 июня 1701 г. при поддержке Киевского митрополита Варлаама Ясинского и гетмана Мазепы он занял пост ректора одного из самых значительных духовных учебных заведений того времени – Киевской академии (одних только учеников здесь в то время было более 2000 человек), а также стал игуменом киевского Братского в честь Богоявления Господня монастыря (эти две должности традиционно совмещались). При этом ему удалось заручиться также поддержкой киевского духовенства и настоятелей монастырей – согласно правилам, первоначально именно они, наряду с профессорами академии, выбирали кандидата на пост ректора, после чего кандидатура представлялась Киевскому митрополиту, который, в свою очередь, отправлял ее на утверждение Мазепы (Петр I дал ему это право).

Будучи ректором, Геден Одорский, пользуясь хорошим к нему отношением со стороны Мазепы, существенно расширил земельные владения академии и монастыря: практически все его просьбы к гетману получали поддержку. Старался он заручиться поддержкой и Петра I, правда, в основном не напрямую (в это время царь признал нежелательными обращения с просьбами из Малороссии непосредственно в Москву, отдавая принятие решений по ним местным властям), а через местоблюстителя патриаршего престола митрополита Стефана Яворского, который весьма благожелательно относился ко всем прошениям, которые приходили из Малороссии, положительным было его мнение и об Одорском. Геден даже договорился со своим знакомым иеромонахом Антонием Стрешовским, который был вызван в Москву в качестве учителя риторики, чтобы тот выступил в качестве ходатая от имени Одорского, и снабдил его обширной инструкцией, что и как надо просить у Петра I при посредничестве Стефана Яворского. Результат не заставил себя ждать: 11 марта 1703 г. царь издает указ, по которому в Малороссийском приказе составляется обширная жалованная грамота «за большой государственной печатью», подтверждающая все имущественные и земельные претензии, изложенные в челобитных Одорского. Правда, последующие обращения к царю, сопровождаемые эмоциональными призывами («Милосердный великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержец, помилуй и умилосердись!» – № 12, с. 610), полного одобрения уже не получали, что было связано в первую очередь с необходимостью экономии средств и их перераспределения с учетом начавшейся Северной войны. Уделял внимание Одорский и церковному строительству: по его инициативе на средства Мазепы было начато возведение большого двухэтажного корпуса академии.

Близость к киевской власти позволила Гедену Одорскому в 1705 г., после ухода с поста ректора академии, стать архимандритом главного, «мазепинского», монастыря, располагавшегося под Батурином, резиденцией гетманов Левобережной Украины, – Крушицкого Никольского⁷. Но в дальнейшем эти отношения с Мазепой привели к большим проблемам. В 1707–1708 гг. по инициативе В. Кочубея Петру I подается несколько доносов о готовящейся измене Мазепы. Как известно, царь им не поверил, Кочубей и его единомышленник Иван Искра были казнены, а ряд персонажей, признанных соучастниками, сосланы в 1708 г. в Соловецкий в честь Преображения Господня монастырь (полтавский священник Иван Святайло с сыном и чернец Никанор) и Архангельск (племянник Искры Петр Кованько, писари Кочубея и Искры Колчинский и Глуховец, а также восемь их слуг) – в распоряжение тамошнего губернатора князя П. А. Голицына.

Позабывшие в ссылке, они были вызволены только спустя четыре года после открытой измены Мазепы (в 1712 г.), и лишь благодаря ходатайству архиепископа Стефана Яворского. При этом в те же края после 1708 г. начали активно ссылать уже сторонников Мазепы. Получилось, что несколько лет одновременно в одном и том же месте отбывали наказание как те, кто предупреждал об измене Мазепы, так и участники его заговора⁸.

Осенью того же, 1708 г. Мазепа уже открыто перешел на сторону шведов и присоединился к Карлу XII. В этой ситуации было принято решение срочно взять Батурин, что и было сделано русскими войсками под руководством А. Д. Меншикова. Сожжен и в значительной степени уничтожен был не только город, но и Крупицкий монастырь, который в военное время представлял собой хорошо укрепленную крепость. Разумеется, что среди прочих соратников Мазепы под подозрение в измене попал и архимандрит этого монастыря Гедеон Одорский.

Сказать с уверенностью, что он действительно был изменником, не позволяет отсутствие тому конкретных свидетельств. Сохранилось письмо киевского губернатора Д. М. Голицына гетману И. Скоропадскому о том, что Одорский принял на хранение в монастыре от ближайшего соратника гетмана Орлика какие-то вещи и написал духовную, которая была отвезена в Петербург⁹. Н. И. Костомаров на основании этого письма почему-то заключил, что она содержала неодобрительные слова в адрес московского правительства¹⁰. Но об этом в письме Голицына нет ни слова. Да и написано оно было спустя семь лет после событий, 2 марта 1716 г., и касалось судьбы вещей, которые без описи были забраны из монастыря.

Архиепископ Филарет (Гумилевский) считал Одорского невинным страдальцем, мотивируя это, в частности, тем, что в 1708 г. Мазепа забрал из Крупицкого монастыря 15 монастырских крестьян, поскольку ему понадобились служители. При этом его предшественник гетман Самойлович в таких случаях крестьян нанимал. Правда, насколько это обстоятельство может свидетельствовать в пользу невинности Одорского, сказать трудно. «Как по отношениям Мазепы к монастырю, так и по самому последствию обвинения очевидно, что архимандрит Гедеон пострадал невинно, как и монастырь, страдавший только за то, что назывался батуринским; на все то была воля Меншикова, и только», – был уверен Филарет¹¹. При этом сохранились свидетельства о монастырских записках, в которых было сказано, что в это время Одорский и вовсе «неизвестно куда скрылся»¹². Скорее всего, он просто выжидал и, в силу своей осторожности и опыта, не спешил сразу примкнуть к той или иной стороне.

Так или иначе, но очевидно, что многолетнее покровительство и поддержка Мазепы, а также сомнительное, с точки зрения властей, униатское прошлое не могли пройти бесследно. И не по таким подозрениям наказывали. Поэтому, несмотря на то, что некоторое время Одорскому удавалось оправдываться, он все же был обвинен в контактах с Орликом и как пособник гетмана отправлен в Москву. Здесь после расследования его вина была подтверждена, и в сентябре 1712 г. Петр I подписывает указ о ссылке Гедеона Одорского с его «челядником» Иваном Видковским, а также с монахом Семеном Остафьевым и протопопом Иваном Рогачевским в Соловецкий монастырь¹³. В конце ноября они прибыли в Архангельск. С наступлением зимы общение с монастырем было прервано, поэтому по решению местного вице-губернатора А. А. Курбатова они остались в городе. Эта задержка пошла им на пользу. В Архангельске открывались школы, грамотных и образованных людей не хватало,

и Курбатов с разрешения царя оставляет их в своем распоряжении – Одорский становится «ректором школ архангелогородских», а Рогачевский – их префектом¹⁴.

Здесь Одорский пишет катехизис («Катехизис, иже з греческаго толкуется вселенское оглашение веры и закона христианскаго, основанное на божественном писании Ветхаго и Новаго завета, оглашенное проповедию и преданием апостольским, утвержденное правилами святых отец и вселенскими соборами, изъявленное в Примории Архангельской пристани, в школах архангелогородских, в общую пользу всем православному христианам, в искоренение Богу противнаго расколу, наипаче zde в Примории чрез плевосеятельнаго врага умножившагося, трудами недостойнаго архимандрита с. х. н. Крупицкаго Гедеоно Одорскаго, архимандрита ректора вышепоименованных училищ»)¹⁵. Адресован он Петру I («Божие милостино пресветлейшему и державному всемилостивейшему государю царю и великому князю Петру Первому, всероссийскому самодержцу, о Господе временне и вечно радоватися, победжати и торжествовати»), которого автор достаточно витиевато и красочно восхваляет.

Главной целью, которую преследовал Одорский, была попытка напомнить о себе, своих заслугах и еще раз упомянуть о своей невинности: «Аз же нижайший богомолец вашего царского пресветлаго величества, яко от прадедов и родителей моих истинный есмь сын восточных православных церкви, свидетельствуюся о сем честными и верными вашего царского пресветлаго величества синклитами: во 1-х, господином Борисом Петровичем Шереметевым, якоже истинным самовидцем и знаемым отца моего (Даниила Монивида Одорского, стольника и городничая Данемборского), когда в деле посольства посланный от кесарского величества и оттуда возвращаяся присутствова у отца моего в отчинах его, Одоркове и Толочине; и прочие полномочные посланники, господин Батурлин и господин Чадаидов, в таком же деле послания, простуючи и возвращаяся с путешествующими, в тех же отчинах честно приняты быша от отца моего. Паче всех свидетельствуюся градом Вильна и градом Минск, идеже в благочестивых церквах Виленской Духа Святаго и минской Петра Святаго, идеже вкладчики прадеды и родители мои издревле в каменных гробах своих тамо почивают. О себе же не обвиняюся глаголю, яко через двадесять и пять лет на киевских церковных амвонах выну в устех моих хвалу Господа моего вашего царского пресветлаго величества пред Богом и человеки исповедах...» В конце посвящения Одорский прибавляет, что он своими трудами на семи военных кораблях, построенных в Архангельске, написал изображения семи архистратигов (Михаила, Гавриила, Рафаила и др.), и подписывается: «Вашего царского пресветлаго величества нижайший недостойный раб и богомолец архимандрит Николаевский и Крупицкий и ректор школ Архангелоградских Гедeon Одорский».

Полностью основной текст сочинения до нас не дошел, сохранилась только одна глава – «О кресте святом» (нач.: «Что есть крест? – крест есть образ смерти Христа Бога нашего...»), в которой излагается учение о крестном знамении и о единстве Божиим со ссылкой на Великое Зерцало, жития святых и различных древних философов (Пифагора, Демокрита, Аристотеля, Ксенофонта, Анаксагора, Диогена, Зенона и др.). Содержит она также полемику с раскольниками, не принимающими четырехконечный крест: «Вы же, людие и овцы пажити Христовы, ценою крови его искуплены, о неблагодарные хамы... образ смерти его, еже есть знамение крестное, презираете, ругаете и токмо на прогнание мух потребное безстудне называете, о, безмысленные...»

Имеющееся в тексте упоминание о начале служения в Киеве 25 лет назад позволяет заключить, что катехизис был составлен не ранее 1715 г.

О дальнейшей судьбе Гедеона Одорского ничего не известно. При этом сведения о его соратнике Иване Рогачевском сохранились, ему даже удалось впоследствии убедить московское правительство в своей невинности и вернуться в родные места. Учитывая, что Одорский занимал положение более высокое и имел многолетний опыт переписки с Петром I, отсутствие сведений о нем говорит, вероятно, о том, что вскоре он умер. Да и возраст у него был уже для того времени солидный: учитывая, что срок его церковного служения к 1715 г. составлял более 40 лет, а в 1690 г. Мазепа называл его «старцем», можно предположить, что ему было не менее 60 лет.

- ¹ Голубев С. Т. Гедеон Одорский (бывший ректор Киевской Академии в начале XVIII столетия) // Труды Киевской духовной академии. 1900. № 10. С. 152.
- ² Романова А. А., Яковлев В. В. Гедеон Одорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 : XVII в. Ч. 4. С. 347–350.
- ³ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела; Ф. 229. Малороссийский приказ.
- ⁴ Частично опубликованы: Голубев С. Т. Гедеон Одорский (бывший ректор Киевской Академии в начале XVIII столетия) // Труды Киевской духовной академии. 1900. № 10. С. 147–190; № 12. С. 567–628. Цитаты из его сочинений, кроме особо оговоренных, приводятся по этому изданию с указанием в скобках номера Трудов Киевской духовной академии и страниц.
- ⁵ Изд.: Писарев Н. Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Приложения. С. 58–61 (раздельная пагинация).
- ⁶ Хафламтович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Киев, 1914. Т. 1. С. 416.
- ⁷ П. М. Строев ошибочно указывает на 1695–1709 гг.: Строев П. М. Библиографический словарь и черновые к нему материалы / приведен в порядок и издан под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882. С. 50–51.
- ⁸ Ефименко П. С. Ссылные малороссияне в Архангельской губернии. 1708–1802 г. // Киевская старина. 1882. Т. 3. Сентябрь. С. 398.
- ⁹ Изд.: Судиненко М. О. Материалы для отечественной истории. Киев, 1855. Т. 2. С. 80–81.
- ¹⁰ Костомаров Н. П. Мазепа и мазепинцы // Костомаров Н. П. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XVI. С. 751.
- ¹¹ [Филарет (Гумилевский), архиепископ.] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873. Кн. 3. С. 286.
- ¹² П. А. Материалы для местной старины // Черниговские губернские ведомости. 1852. № 3.
- ¹³ Бантыш-Каменский А. Н. История Малой России. М., 1830. Ч. 3. Примечания к третьей части Истории Малой России. С. 53 (раздельная пагинация).
- ¹⁴ Богуславский Г. К. Лохвицкий протопоп Иван Рогачевский и сын сотника Данило Забела в архангельской ссылке в 1713–1721 гг. // Киевская старина. 1902. № 6. С. 333–346.
- ¹⁵ Катехизис частично сохранился в небольшой рукописи (36 л.), находившейся в библиотеке Флорищевой пустыни (№ 15). В этой библиотеке было большое собрание печатных книг, изданных в Киево-Печерском монастыре, в типографиях Константина Острожского, в монастырях Западной Белоруссии, Львова и др., а также были представлены многие писатели юго-западного происхождения – Симеон Полоцкий, Иоанникий Гаятовский, Памва Берында и др. Выдержки из катехизиса опубликованы в: Георгиевский В. Т. Флорищева пустынь : историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896. С. 176–178. Далее цитаты приведены по этому изданию.

[ФРАГМЕНТ ГРАМОТЫ ГЕДЕОНА ОДОРСКОГО ПЕТРУ
И ИОАННУ АЛЕКСЕЕВИЧАМ. 1690 г.]

Я, великие государи, рожден и с детства воспитан в православной вере кафолического восточного исповедания, под благословением и послушанием константинопольского и прочих восточных патриархов; но когда обучался в латинских училищах, то, желая пройти высшие курсы наук – философские и богословские, – вынужден был пристать к униатам. Окончив означенные курсы, я восприял иноческий чин и степень священства тоже от униатов, и в том исповедании пребывал доселе в течение шестнадцати лет, труждаяся и служа во всем по повелению старших униатских Великого княжества Литовского и Белой Руси. Желая поощрить меня в сем служении, один из униатских архиереев Митрофан Друцкий Соколинский уступил мне свою онуфриевскую архимандрию и советывал получить на нее привилегию от его королевской милости. Следуя сему совету, я отправился к его королевской милости с означенною целью; но прежде чем выдана была мне привилегия на архимандрию, скончался упомянутый архиерей Друцкий Соколинский. Сведение о сей кончине дошло до короля и он, зная меня по Ольмулцу, совершающего тогда в коллейуме тамошнем феологию (было это во время его похода с войском на Вену) самолично пожаловал меня: приказал выдать привилегию на православную белорусскую епископию, ставшую вакантною после смерти блаженных памяти отца Феодосия Васильевича, епископа мстиславского, оршанского и могилевского, причем я дал обещание истинно возвратиться к церкви святой православной. Посвящение в сан епископа его королевская милость повелел мне воспринять от преосвященного Досифея, митрополита сочавского, пребывающего ныне, по королевскому указу, в городе Стрые, с мощами св. Иоанна сочавского, и от тамошних епископов – львовского Иосифа Шумлянського и перемышльского Иннокентия Винницкого; но некоторые из православной белорусской шляхты, узнав об этом, увещевали меня, говоря: «если хочешь быть нашим православным белорусским епископом, то невозможно тебе посвящаться в Польше от тех лиц, которые у нас в зоре (подозрении. – В. Я.) относительно их склонности к унии с костелом римским, но следует тебе принять епископское посвящение от нашего православного митрополита, живущаго в Киеве, потому что изначала наша белорусская епархия не иному какому подлежит присуду, как только преосвященному митрополиту киевскому и всея России, находящемуся под послушанием и благословением константинопольских и прочих греческого восточного православия патриархов».

Услышав такие речи, я заявил его королевской милости, что мне нельзя посвящаться у указанных им епископов, а следует в Киеве, потому что и в договорных статьях вечного мира Польского королевства с Московским государством постановлено, дабы киевский митрополит свою митрополитанскую власть невозбранно простирал во владениях его королевской милости и православные жители Короны польской и Великого княжества литовского, как духовные, так и светские, тоже невозбранно приезжали в Киев для удовлетворения своих религиозных нужд. Его королевская милость изъявил на сие согласие и приказал мне выдать привилегии – сначала на епископию белорусскую, а потом

на архимандрию онуфриевскую. С этими привилегиями я возвратился на Белую Русь и прибыл в Могилев. Затем пришло время избрания на епископию; но это избрание стало не крепко, так как на него никто не прибыл из православной белорусской шляхты и Великого княжества литовского. Тогда я по существующему в литовском княжестве праву и обычаю, подал полученные мною привилегии для занесения их в книги канцелярии речичкой, а сам прямо отправился в Киев с тем намерением, чтобы, как возвращающийся к отеческой и прародительской вере православной и кающийся о шестнадцатилетнем пребывании в униатской апостаси, опять, милостию человеколюбца Бога, не хотящаго смерти грешникам, и чадолюбием премилостиваго отца, архипастыря и благодетеля моего ясне преосвященнаго в Бозе кир Гедсона Святополка Четвертинскаго, Божией милостью православнаго митрополита киевскаго и галицкаго и всея России, — был принят в церковь православную и причтен к православному стаду овец Христовых, неоцененною кровино искупленных.

РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. 1690 г. Л. 36–42
Изд. по: Голубев С. Т. Гедсон Одорский (бывший ректор Киевской Академии
в начале XVIII столетия) // Труды Киевской духовной академии. 1900.
№ 10. С. 148–151